

Оригинальная статья / Original article

УДК 902/904(571.54+571.5)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-29-39>

Реконструкция дипломатии древних кочевников культуры плиточных могил и культуры херексуров эпохи поздней бронзы (Часть II, к постановке проблемы)

© А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье на основании анализа разнообразных материалов с контактной зоны расселения носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров, которая охватывала степные районы Юго-Западного Забайкалья, Северной, Центральной и часть Восточной Монголии, реконструируются приемы ведения «древней первобытной дипломатии» скотоводов-кочевников Монголии и Забайкалья в эпоху поздней бронзы, в конце II – начале I тыс. до н. э. Источниками информации по рассматриваемой проблеме послужили сведения о территориальном расселении племен этих культур в пределах контактной зоны, хронологическому соотношению их памятников на контактной территории, сведения по палеогеографии региона, особенности палеоэкономики населения обеих культур, формы собственности на землю в традиционных первобытных общностях, материалы планиграфического и стратиграфического характера на могильниках с совместным размещением погребальных объектов культур плиточных могил и херексуров, особенности использования оленных камней в конструкции плиточных могил. На основании анализа указанных групп источников, полученной из них информации реконструированы приемы «древней дипломатической практики» кочевников позднего бронзового века Центральной Азии. Они включали проведение следующих направлений дипломатической практики: переговорные процессы с целью разрешения конфликта на межэтническом уровне мирным путем; экспансию, прямое вторжение на чужую территорию; военный вариант решения конфликта, который сопровождался открытым враждебным противостоянием участников конфликта; возвращение к переговорным процессам с целью определения условий заключения мирного соглашения; установление отношений мирного сосуществования. Они были направлены на урегулирование возникавших межэтнических проблем. В их числе имелись как мирные, так и силовые средства достижения целей. Эти средства нашли материализованное отражение в археологических памятниках – погребениях, культовых стелах, жертвенниках, которые имели сакрализованный характер.

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха поздней бронзы, культура плиточных могил, культура херексуров, палеогеография, миграция, контакты, конфликтная ситуация, реконструкция, дипломатическая практика, переговорные процессы, мирное сосуществование

Информация о статье: Дата поступления 22 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 18 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 29 июня 2020 г.

Для цитирования: Цыбиктаров А.Д. Реконструкция дипломатии древних кочевников культуры плиточных могил и культуры херексуров эпохи поздней бронзы (Часть II, к постановке проблемы) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 29–39. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-29-39>

Reconstruction of the diplomacy of the ancient nomads of the culture of slab graves and the culture of khereksurs of the Late Bronze Age (Part II, to the statement of the problem)

© Alexander D. Tsybiktarov

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Abstract: Based on an analysis of a variety of materials from the contact zone of the settlement of carriers of the culture of slab graves and the culture of kherekurs, which covered the steppe regions of South-Western Transbaikalia, Northern, Central and part of Eastern Mongolia, the methods of conducting "ancient primal diplomacy" of nomadic cattle breeders of Mongolia and Transbaikalia are reconstructed in the Late Bronze Age, at the end of II – beginning of I millennium BC. The sources of information for this problem is the information on the territorial settlement of the tribes of these cultures within the contact zone, the chronological correlation of their sites in the contact territory, paleogeographic information of the region, the paleo-economics of the population of both cultures, land ownership in traditional primitive communities, materials of planigraphic and stratigraphic feature at burial grounds with the joint placement of funeral objects of the culture of slab graves and kherekurs, the features of using deer stones in the construction of slab graves. Based on the analysis of these groups of information sources, the techniques of the "ancient diplomatic practice" of the nomads of the late Bronze Age of Central Asia were reconstructed. They included the following areas of diplomatic practice: negotiations to resolve the conflict at the interethnic level peacefully; expansion, direct invasion of foreign territory; a military solution of the conflict, which was accompanied by an open hostile confrontation between the participants of the conflict; a return to the negotiation processes in order to determine the conditions for concluding a peace agreement; establishing peaceful coexistence relations. They were aimed at resolving inter-ethnic problems. Among them were both peaceful and coercive means of achieving goals. This means of achieving goals found materialized reflection in archaeological sites – burials, religious stelae, altars, which were sacred.

Keywords: Central Asia, Late Bronze Age, the culture of slab graves, the culture of kherekurs, conflict situation, paleogeographic, migration, contacts, reconstruction, diplomatic practice, negotiation processes, peaceful coexistence

Article info: Received April 22, 2020; accepted for publication May 18, 2020; available online June 29, 2020.

For citation: Tsybiktarov A.D. (2020) Reconstruction of the diplomacy of the ancient nomads of the culture of slab graves and the culture of kherekurs of the Late Bronze Age (Part II, to the statement of the problem). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 2. P. 29–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-29-39>

Введение

Одна из задач археологической науки заключается в реконструкции исторических процессов, происходивших в различных регионах Земного шара в древности. К числу их относится и изучение взаимоотношений между различными этническими общностями, оставившими после себя археологические культуры. Внутри этой проблемы одним из ее аспектов является восстановление приемов, которыми пользовались эти «древние народы» в процессе происходивших между ними контактов как мирного, так и немирного характера. Но, в любом случае, в процессе решения возникавших проблем в конечном итоге вырабатывались механизмы ведения переговорных процессов. В результате постепенно вырабатывалась, выражаясь современным языком, своеобразная «первобытная дипломатия».

Восстановление этой, «первобытной дипломатии», в силу специфики ее развития в условиях «бесписьменной истории» человечества представляет достаточно сложную задачу. Археологические вещественные источники дают достаточно боль-

шой объем разнообразной и вполне репрезентативной информации по различным сторонам жизни и быта носителей археологических культур: палеоэкономике, социальной структуре, общественному строю и другим аспектам их истории. Но в силу «бессловесности» вещественных источников в них большей частью не содержится информация по поднимаемой в статье проблеме, ее приходится собирать буквально по крупицам. По вполне понятным объективным причинам исследователям приходится ждать появления источников и информации в рассматриваемом отношении в течение длительного времени. Но тем не менее они постепенно выявляются и по ним понемногу можно восстанавливать приемы ведения переговорных процессов между древними этническими общностями.

Первая часть нашей работы была посвящена характеристике собранной нами источниковой базы по поднимаемой проблеме относительно взаимоотношений носителей культуры плиточных могил и культуры херексурсов позднебронзового времени их существования, конца II – начала I тыс. до н. э. При этом было отмечено, что для ее изучения

сформировалась пусть не слишком большая по объему, но достаточно представительная по разнообразию материалов источниковая база. По нашему мнению, она вполне достаточна для предварительного решения поставленной проблемы. Выявленные источники включают информацию по территориальному распространению этих культур в пределах Монголии и Южного Забайкалья, хронологическому соотношению их памятников на контактной территории, сведения по палеогеографии региона, позволяющие понять причины миграции их населения на территорию друг друга, особенности палеоэкономики населения обеих культур, исходя из которых можно смоделировать возможные варианты развития их взаимоотношений в пределах контактной зоны расселения. Источниками по рассматриваемой проблеме могут являться и материалы планиграфического и стратиграфического характера на могильниках с совместным размещением погребальных объектов культур плиточных могил и херексуров, а также случаи не совсем обычного их расположения на местности. Информацию по поднимаемой теме можно почерпнуть и из изучения характера распространения памятников сакрального характера пришлого населения на новых для него землях – наскальных рисунков, оленных камней. Сведения в рассматриваемом отношении несут в себе антропологические материалы из погребений обеих культур (Цыбиктаров, 2017. С. 352–357).

Обсуждение материалов

Из специальных работ по рассматриваемой проблеме можно отметить главу «Внешнеполитические отношения в кочевом мире Центральной Азии в эпоху бронзы» в учебном пособии Ю.С. Худякова (Худяков, 2003. С. 24–34)¹. Однако значительная часть главы основана автором пособия на материалах из письменных источников, касающихся других эпох – хуннской и средневековой (Там же. С. 24–29, 34). Но это позволило исследователю обосновать методические подходы к разработке

темы дипломатии кочевников Центральной Азии последующих эпох, рассмотренной в других главах работы. Также нельзя не отметить плодотворную попытку Ю.С. Худякова выделить информацию для разработки темы из публикаций исследователей региона и представить свое видение данной проблемы (Там же. С. 29–33).

В качестве источников для разработки дипломатии племен культуры херексуров и культуры плиточных могил Ю.С. Худяков использовал разработанные им классификацию оленных камней, трактовку символики планиграфической организации херексуров, а также случаи вторичного использования оленных камней в плиточных могилах и раскопанные автором данной статьи факты перекрытия кладками плиточных могил оград херексуров на территории Южной Бурятии. Их анализ позволил исследователю прийти к следующим выводам.

По мнению Ю.С. Худякова европеоидное население культуры херексуров совершило экспансию из Западной Монголии на территорию Центральной, Восточной Монголии и Забайкалья с целью, как можно понять из текста главы учебного пособия, завоевания этих земель и подчинения их населения. Пришельцы выражали свое отношение к внешнему миру и инокультурному окружению через нарочитое демонстрирование своей военной мощи посредством повсеместного сооружения своих грандиозных, монументальных погребальных и поминальных памятников – херексуров и оленных камней. Первые, по мнению ученого, своей планиграфией воспроизводили солнце и модель колесницы – ударной мощи войска завоевателей, а оленные камни символизировали воинов-колесничих, героев, обеспечивших захват всех степных пространств Центральной Азии вплоть до самых ее восточных окраин (Там же. С. 30–31). В то же время херексуры и оленные камни представляли собой своеобразную «монументальную пропаганду», рассчитанную на поднятие боевого духа и осознание собственной непобедимости, а также на устрашение враждебных племен (Там же. С. 31), видимо, имеются в виду культуры плиточных могил. При этом взаимоотношения завоевателей и

---

¹ Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии: учеб. пособие. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 240 с.

местного населения характеризовались отношениями господства и подчинения, исключавшего мирное сосуществование (Худяков, 2003. С. 32)². Но позже, по мнению Ю.С. Худякова, монголоидные племена культуры плиточных могил, освоив совершенное защитное вооружение и научившись успешно противостоять боевым колесницам, в свою очередь завоевали территорию Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии и «развернули настоящую войну против монументальных погребальных и поминальных памятников своих предшественников» со «... стремлением уничтожить не только реального врага, но и память о нем». Эти акты сопровождалась истреблением, вытеснением и ассимиляцией завоевателей (Там же. С. 31, 32).

Таким образом, исходя из логики изложения материалов Ю.С. Худякова, одно из направлений древней дипломатии кочевников населения культур херексуров и плиточных могил Монголии и Забайкалья эпохи поздней бронзы проявлялось в политике экспансии и диктата по отношению к инокультурному окружению. У населения культуры херексуров она подкреплялась монументальной архитектурой погребальных и поминальных сооружений, а также воздвижением статуарных памятников в виде оленных камней. У носителей культуры плиточных могил та же политика дополнялась разрушением монументальных погребальных и поминальных сооружений своих врагов.

Другие исследователи бронзового века Монголии и сопредельных с ней областей Южной Сибири отмечали отдельные факты, которые в той или иной мере характеризовали взаимоотношения разных групп населения или археологических культур региона. В частности А.Д. Грач, раскопав в Туве несколько случаев перекрытия алды-бельскими курганами насыпей монгун-тайгинского типа, трактовал их как факты проявления военной победы алды-бельцев над монгун-тайгинцами и завоевания ими территории последних (Грач, 1980. С. 60–61, 93). Мной также рассматривались вопросы взаимоотношения населения культуры плиточных

могил и культуры херексуров в пределах контактной зоны на территории Монголии и Южного Забайкалья с использованием материалов серии взаимного перекрытия конструкций памятников этих культур на нескольких памятниках Южной Бурятии и вторичного использования оленных камней в плиточных могилах в указанных выше регионах (Цыбиктаров, 1999; Цыбиктаров, 2000; Цыбиктаров, 2013 и др.). Однако на результатах проведенной работы здесь останавливаться не будем, поскольку они в той или иной мере будут использованы в настоящей статье.

В целом относительно выявленной в результате анализа материалов раскопок плиточных могил и херексуров на рассматриваемой части территории Монголии и Южного Забайкалья информации можно отметить следующие установленные на настоящее время факты. Причиной взаимных миграций групп населения культур плиточных могил и херексуров на территорию друг друга в конце II – начале I тыс. до н. э., завершившихся образованием громадной по территории зоны совместного расселения, были изменения климата в пределах их проживания в сторону аридизации. Они сократили кормовые возможности пастбищ и заставили скотоводов-кочевников бронзового века оставлять обжитые места и мигрировать на территорию соседних культурных образований, нарушая сложившиеся границы расселения родоплеменных объединений (Цыбиктаров, 2012; Цыбиктаров, 2013). Падение продуктивности степных пастбищ сопровождалось, следует полагать, понижением материального уровня жизни, ростом социальной напряженности в среде степного населения из-за нехватки корма для скота, возможного сокращения его поголовья и уменьшения в целом разнообразной скотоводческой продукции (мясо-молочной, сырьевой для изготовления различных изделий). Эти обстоятельства порождали дополнительный стимул для ухода части населения на новые земли.

Размещение большого количества погребальных насыпей обеих археологических культур херексуров и плиточных могил повсеместно в пределах контактной зоны на одних и тех же памятниках, включая случаи стратиграфического наложения их

² Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии: учеб. пособие. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 240 с.

конструкций друг на друга в разных вариациях, свидетельствует о достаточно длительном совместном проживании инокультурных групп населения на одной и той же территории. Вместе с тем пришедшее население культуры херексуров при расселении по землям носителей культуры плиточных могил, с учетом занятия племен обеих культур кочевым и полукочевым скотоводством, по объективным причинам должно было вступить в конфликтные отношения с местным населением, т. к. оно затрагивало его жизненно важные хозяйственные интересы. Освоение пришельцами пастбищных угодий автохтонного населения фактически означало сокращение кормовых ресурсов для поголовья скота местных жителей. Антагонизм между пришлыми и местными группами населения усиливался фактором усыхания климата. Данное обстоятельство ставит проблему выяснения характера взаимоотношений между разноэтничными группами населения и урегулирования возникавших между ними проблем.

В первобытных обществах хозяйственно-промысловые угодья всегда рассматривались в качестве жизненно важной неотъемлемой составляющей для обеспечения жизнедеятельности того или иного социума – общины, рода, племени. В результате территория расселения общинных, родовых и племенных объединений рассматривалась их членами в качестве потомственных земельных угодий. По этой причине не допускались хоть какие-либо посягательства на них со стороны не только иноэтничного населения, но и этнически близкой соседней общины, рода или племени. Появление и любая форма расселения в регионе пришельцев, тем более другой этнической принадлежности, могли быть восприняты как акты проявления с их стороны намерений на освоение территории традиционного проживания местной общины, рода или племени.

Уже сам факт появления на территории местного населения культуры плиточных могил пришельцев в лице людей культуры херексуров должен был привести к прямым контактам носителей обеих культур и переговорным процессам между ними по разным вопросам – причинам пришествия

населения другой этнической принадлежности на территорию автохтонного населения, характер и продолжительность времени пребывания пришельцев на ней и т. д. Но каким образом, в какой форме такие контакты могли происходить, для нас останется неизвестным в силу отсутствия у населения обеих культур письменности, способной зафиксировать переговорные процессы. Но, исходя из особенностей палеоэкономики населения обеих культур и первобытных представлений родоплеменных объединений о собственности на земельные угодья в пределах зоны своего проживания и осуществления хозяйственной деятельности, можно гипотетически смоделировать развитие отношений местного населения с пришельцами.

Базовой основой палеоэкономики населения обеих культур плиточных могил и херексуров являлось кочевое и полукочевое скотоводство (Сосновский, 1941. С. 308; Окладников, 1954. С. 23; Киселев, 1954. С. 50; Диков, 1958. С. 58; Волков, 1967. С. 92; История Сибири, 1968. С. 214; Наваан, 1973. С. 18–19³; Наваан, 1975. С. 152–153; Гришин, 1975. С. 99–100; Гришин, 1981. С. 194–195; Новгородова, 1989. С. 281–283; Членова, 1992. С. 252–253; Цыбиктаров, 2003. С. 33–36⁴; Цыбиктаров, 2018; Цэвэ-эндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008. С. 123; История Бурятии, 2011. С. 134). Поэтому по своему хозяйственно-культурному типу и бытовому укладу и те и другие были привязаны в первую очередь к экологической нише степей и лесостепей, являвшихся пастбищными угодьями для стад скота – основного источника жизнеобеспечения населения рассматриваемых культур. При ухудшении экологической ситуации, связанной с аридизацией климата (Цыбиктаров, 2012), при занятиях кочевым скотоводством миграция населения культуры херексуров из Западной Монголии, мест своего проживания, на восток до Забайкалья и предгорий Хэнтэя в Монголии, где жили носители культуры плиточных могил, должна была преследовать,

---

³ Наваан Д. Бронзовый век Восточной Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор, 1973. 27 с.

⁴ Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.

прежде всего, поиски и освоение новых пастбищных угодий для той части населения, которая попала в разряд избыточного и вынуждена была покинуть свои традиционные кочевые угодья. В результате приток нового населения при схожем типе экономики затрагивал жизненно важные хозяйственные интересы местного населения культуры плиточных могил. Это обстоятельство неизбежно должно было привести в условиях аридизации климата, сопровождавшейся падением травостоя в степях и снижением продуктивности пастбищ, к возникновению конфликта хозяйственных интересов местного и пришлого населения.

Из описанной выше ситуации можно сделать вывод о том, что кочевники-скотоводы культуры херексуров степей Западной Монголии при невозможности решения возникшего у них экологического и своеобразного продуктового кризиса за счет внутренних ресурсов выход нашли в миграции на земли соседей культуры плиточных могил. Можно предположить, что такое решение принималось, несмотря на сходство базовой основы их экономик (кочевое и полукочевое скотоводство), которое изначально, вне всяких сомнений, прогнозировало военный конфликт с носителями культуры плиточных могил. Вероятно, это была вынужденная мера. Но тем не менее такое принудительное решение позволяет заключить в свою очередь, что одним из направлений дипломатии кочевников-скотоводов позднего бронзового века Центральной Азии было проведение политики военной экспансии по отношению к соседним этническим общностям при отсутствии внутренних ресурсов для решения возникшей проблемы и невозможности ее мирного разрешения при обращении к иноэтничным соседям, в данном случае имеются в виду носители культуры плиточных могил.

Опыт мировой истории на разных этапах ее развития показывает, что любые конфликты, в том числе связанные с вторжением иноэтничного населения, люди пытались, за редким исключением, разрешать сначала путем их мирного урегулирования. Исходя из этого посыла, можно предположить, что и в позднебронзовое время носители культуры херексуров и культуры плиточных могил

могли предпринять попытки мирного разрешения предсказуемой конфликтной ситуации. Иначе говоря, можно предполагать, что одним из инструментов «первобытной дипломатии» степняков-кочевников позднебронзового времени степей Монголии и Южного Забайкалья могли быть переговорные процессы с целью достижения мирного исхода прогнозируемого конфликта их жизненно важных экономических интересов.

Однако прагматический подход к оценке последствий мирного варианта разрешения сложившейся конфликтной ситуации в условиях экологического кризиса подводит к выводу о невозможности ее мирного урегулирования во время переговоров, т. к. на «повестке переговорных процессов» стоял вопрос о выживании населения обеих степных культур, образно говоря, «о жизни и смерти» их носителей. В результате оставался военный путь решения конфликта: автохтонному населению культуры плиточных могил – отражать вторжение на свою территорию иноэтничного населения и вытеснять его за пределы своих земель, а людям культуры херексуров – насильственным путем с использованием военного потенциала навязывать автохтонному населению право своего расселения на его территории. К тому же, надо полагать, пришельцы понимали, что обратного пути в прежние места их расселения у них не было из-за нехватки там достаточно продуктивных пастбищ для стад их скота.

На указанный выше вероятный исход переговоров в сторону военного противостояния указывают факты взаимного осквернения погребальных сооружений и святилищ носителей обеих культур. Подобные акты вандализма в условиях родоплеменного общества могли быть вызваны, следует полагать, открыто враждебными отношениями противостоящих сторон в реальной повседневной жизни, доведенными до крайности из-за непримиримого конфликта хозяйственных интересов. Акты осквернения могил, жертвенников, культовых стел, совершенные одной стороной, неизбежно вызвали ответные адекватные действия другой стороны. Они сопровождались разрушением херексуров и плиточных могил, использованием камней их кла-

док в качестве строительного материала при сооружении «своих» погребальных сооружений и жертвенников, взаимным перекрытием кладок друг друга. Акты подобного характера отражали, вероятно, непримиримую позицию враждующих сторон во взаимоотношениях в реальной жизни. Такие факты, имевшие место на этапе прямого вооруженного противостояния населения обеих культур, установлены раскопками в конце 1990 – начале 2000-х гг. на могильниках Баин-Улан II, Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II в 10–20 км к северо-востоку от г. Кяхты недалеко от границы с Монголией, Шара-хад в окрестностях с. Баин-Булак (Ара-Алцагат) в 12–15 км от границы с Монголией по р. Чикой в Кяхтинском районе, на могильнике Жаргаланта в окрестностях одноименного села в Селенгинском районе в Южной Бурятии.

На указанных выше памятниках кладки насыпей херексуров были разобраны почти до уровня их оснований, обозначенных в конструкции так называемой платформой из огромных рваных кусков камня, и погребальных камер, сооруженных на древней дневной поверхности. В то же время и плиточные могилы, перекрывавшие ограды херексуров или установленные внутри оград херексуров или за их линией, также были полуразобраны и осквернены. На памятнике Тэмэ-хад II все плиточные могилы рядом с жертвенником культуры херексуров были большей частью разобраны, а две плиточные могилы, которые были перекрыты краем кургана-жертвенника пришлого населения, по сравнению с другими плиточными кладками находились в лучшей сохранности, что, вероятно, было сделано людьми культуры херексуров преднамеренно для демонстрации своего отношения к врагам (см. более подробно: Цыбиктаров, 1999; Цыбиктаров, 2013). Таким образом, другой инструмент «первобытной дипломатии» скотоводов-кочевников позднебронзового времени степей Монголии и Южного Забайкалья выражался, в случае невозможности урегулирования конфликта мирными средствами, в его решении военным путем.

Особое внимание обращают факты фрагментации людьми культуры плиточных могил оленных

каменной – культовых стел пришлого населения и использование их кусков, а также и целых изваяний (порой в перевернутом положении), наряду с камнями кладок херексуров, в качестве строительного материала при сооружении своих могил. Отметим также применение этих изваяний для установки возле плиточных могил сторожевых камней (см. более подробно Цыбиктаров, 2000; Цыбиктаров, 2013. С. 364; Волков, 1981. С. 14–19). Выше описанные материальные следы, оставшиеся от взаимоотношений людей обеих культурных образований, однозначно указывают на прямые военные конфликты между мигрантами и автохтонным населением. Они в итоге дают дополнительную информацию о наличии в дипломатических средствах древних кочевников Центральной Азии военного инструмента в решении возникавших проблем во взаимоотношениях между существовавшими в те времена общностями. Причинами их возникновения стали конфликт жизненно важных хозяйственных интересов, рост интенсивности эксплуатации пастбищных угодий в условиях падения их продуктивности, увеличение плотности населения на контактной территории в ситуации экологического кризиса. Поэтому вряд ли можно ошибиться, предположив, что во время переселения носителей культуры херексуров на территории, заселенные людьми культуры плиточных могил, имели место многочисленные вооруженные столкновения, сопровождавшиеся людскими потерями.

Тот же опыт мировой истории показывает, что военный путь решения конфликта часто с течением времени, если не достигалась однозначная победа какой-то одной из конфликтующих сторон, показывал свою бесперспективность. По мере ее осознания противоборствующие стороны, исходя из принципа «самый худой мир лучше любой самой хорошей войны», возвращались к переговорным процессам с целью определения условий заключения мирного соглашения. Поэтому можно предположить, путем согласования этих условий конфликтующие стороны устанавливали отношения мирного сосуществования. В результате начинался новый этап во взаимоотношениях местного и пришлого населения, когда они вынуждены были, несмотря

на конфликтность экономических интересов, пережитый этап военного противостояния, переходить к установлению мирных отношений и в какой-то форме закреплять новый уровень отношений. Данный период, как и этап вооруженного противостояния, также нашел отражение в материализованной форме погребальных памятников культур плиточных могил и херексуров в Южной Бурятии. Это зафиксировали раскопки на могильнике Улзыт VI в долине р. Чикой в местности Верхний Гужертуй на границе с Монголией.

При раскопках в середине 1980-х гг. на могильнике Улзыт VI был выявлен, первый на то время, случай наложения кладки сдвоенных плиточных могил на круглую ограду херексура. Но сохранность как конструкции херексура в целом, так и плиточных могил характеризовались совсем другими особенностями, чем на могильниках Баин-Улан II, Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II, Шара-хад. Кладки насыпи и ограды херексура, плиточных могил находились в очень хорошем состоянии. Обе плиточные могилы были аккуратно пристроены к круглой ограде херексура. При этом плиты южной стенки ограды одной из плиточных могил были аккуратно прислонены к камням ограды херексура, которые полностью сохранились под кладкой плиточной могилы. Ограда херексура вообще была не потревожена. То же самое можно сказать о насыпи херексура. Лишь с южной стороны от валунно-цистовой камеры камни насыпи были выбраны до уровня древнего горизонта в результате более поздней попытки ограбления (Цыбиктаров, 2013. Рис. 5, 6). Попытка ограбления не предпринималась плиточниками. Являясь современниками «строителей» херексура, они, точно зная, где находится его погребальная камера, при ограблении или осквернении херексура не могли ошибиться. Кроме этого, в одном из так называемых поминальников-колечек херексура были помещены фрагменты керамики штрихованного типа, характерной для носителей культуры плиточных могил. С другой стороны, к востоку от средней части кладки сдвоенных плиточных могил располагались необычные для плиточных могил две миниатюрные кладки из четырех камней, напоминающие поми-

нальники у оград херексуров. Эти факты можно интерпретировать как своеобразное «взаимопроникновение» элементов одной культуры в область другой, как бы обозначающей завершение вражды противоборствующих сторон.

Выявленные при раскопках на Улзыте VI вышеописанные факты символизировали, как нам представляется, акт примирения враждующих сторон и его материализацию через сакрализованные стороны их культуры – погребальный обряд, надмогильные и поминальные сооружения. Вряд ли можно усомниться в правоте предположения, что примирению враждующих сторон должна была предшествовать новая переговорная фаза во взаимоотношениях между ними, в результате которой, видимо, оговаривались условия заключения мира и был достигнут положительный результат, зафиксированный в материалах раскопок на Улзыте VI. Таким образом, можно заключить, что древние кочевники Центральной Азии в дипломатических отношениях владели приемом возвращения к переговорным процессам после неудачных попыток решения возникших проблем сначала посредством мирных переговоров, а затем военным путем.

Заключение

Предпринятый в статье анализ части источникового фонда по поднятой в статье проблеме позволяет сделать вывод о том, что в эпоху поздней бронзы у кочевников-скотоводов Центральной Азии в сфере межэтнических взаимоотношений был выработан определенный набор приемов ведения древней «первобытной дипломатии». Они были направлены на урегулирование возникавших межэтнических проблем. В их числе имелись как мирные, так и силовые средства достижения целей. Мирный путь заключался, можно предположить, в проведении переговоров. В случае невозможности достижения мирного исхода обеими сторонами переговорного процесса использовался военный путь достижения цели. При этом в экстраординарных ситуациях, когда на повестке дня стоял вопрос о выживании, «о жизни и смерти», поставленная в такую ситуацию этническая общность культуры херексуров использовала средство про-

ведения своей «внешней» политики в форме прямой открытой экспансии на территорию соседней общности культуры плиточных могил с целью захвата части их земель и пастбищных угодий для избыточных масс своего населения. Данное направление внешней деятельности сопровождалось прямым вторжением на чужую территорию и военным противостоянием.

В случае неосуществимости военной победы стороны использовали, как можно полагать, прием возврата к переговорным процессам, в ходе которых достигали компромисса и оговаривали условия мира во взаимоотношениях на совместной территории жизнеобеспечения. Выражаясь современной терминологией в практике «древней дипломатии» кочевников Центральной Азии существовало, вероятно, какое-то суждение, представление, адекватное понятию «мирное сосуществование».

Реконструируемые в статье возможные направления во взаимоотношениях древних кочевников Монголии и Южного Забайкалья эпохи поздней бронзы нашли материализованное отражение, как нам представляется, в оставленных ими археологических памятниках – погребальных, культовых стелах, жертвенниках. Это стало возможным благодаря связи этих объектов с сакральной стороной жизни их создателей: плиточных могил и херексуров – с погребениями усопших предков, а оленных камней и жертвенников – с исполнением культово-религиозных обрядов. Соответственно и те и другие были освященными объектами в духовной сфере обеих общностей и обладали статусом неприкосновенности. В их разрушении проти-

воборствующие стороны во время военного противостояния открыто выражали свою неприкрытую враждебность по отношению друг к другу. С другой стороны, с учетом именно сакральности их характера, в условиях бесписьменности, т.е. невозможности зафиксировать графическими знаками и символами происходившие события и процессы, через эти же памятники символизировалось примирение враждующих сторон. Это обстоятельство позволяет сделать предположение о том, что в практике «древней дипломатии» носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров в качестве одного из средств отражения происходивших процессов в их взаимоотношениях в реальной жизни выступали сакрализованные объекты их жизнеобеспечивающего комплекса.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на интерпретации других групп источников по поднимаемой проблеме, таких как петроглифические и палеоантропологические источники, некоторые особенности топографического расположения памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров на местности, планиграфии памятников обеих культурных образований и некоторых других. Следует также коснуться такого аспекта проблемы, как характеристика категории людей, которые осуществляли непосредственную «дипломатическую» практику в сложной этнокультурной, военной и «политической» ситуации того времени. Этот круг вопросов автор статьи оставляет для обсуждения в следующей публикации по данной проблеме.

Библиографический список

- Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 136 с.
- Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

References

- Volkov V.V. (1967) Bronze and Early Iron Ages of Northern Mongolia. Ulan-Bator: AN MNR. 148 p. (In Russ.)
- Volkov V.V. (1981) Deer Stones of Mongolia. Ulan-Bator: AN MNR. 254 p. (In Russ.)
- Grach A.D. (1980) Ancient nomads in the center of Asia. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.)
- Grishin Yu.S. (1975) Bronze and Early Iron Ages of East Transbaikalia. Moscow: Nauka. 136 p. (In Russ.)
- Grishin Yu.S. (1981) Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe Transbaikalia. Moscow: Nauka. 204 p. (In Russ.)

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.

История Бурятии. Т. I. – Древность и средневековье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.

История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: Наука, Ленинград. отделение, 1968. 454 с.

Киселев С.В. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской народной республики. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 46–51.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 383 с.

Окладников А.П. Эпоха первобытнообщинного строя // История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. Т. 1. С. 9–48.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1. С. 273–309.

Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексусы Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 65–76.

Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-зabayкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Т. I. Археология. Этнология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 98–102.

Цыбиктаров А.Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексусов в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы IV Международной научной конференции. Чита, 13–19 сентября 2013 г. Чита: ООО «Экспресс-издательство», 2013. С. 360–373.

Цыбиктаров А.Д. Дипломатия древних кочевников Центральной Азии эпохи поздней бронзы (Часть I. К постановке проблемы, характеристика источниковой базы по материалам культуры плиточных могил и культуры херексусов) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы VIII Международной научной конференции. Чаньчунь, 11–15 сентября 2017 г. Чаньчунь, 2017. С. 348–360.

Dikov N.N.(1958) Bronze Age of Transbaikalia. Ulan-Udeh: Buryat. kn. izd-vo. 108 p. (In Russ.)

History of Buryatia. Vol. I. Antiquity and the Middle Ages. Ulan-Udeh: BNTs SO RAN. 328 p. (In Russ.)

History of Siberia. Vol. 1. Ancient Siberia. Leningrad: Nauka, Leningrad. otделение. 454 p. (In Russ.)

Kiselev S.V. (1954) The era of the production of bronze tools. *Istoriya Mongol'skoi narodnoi respubliki* = History of the Mongolian People's Republic Moscow: Academy of Sciences of the USSR. P. 46–51. (In Russ.)

Novgorodova Eh.A. (1989) Ancient Mongolia. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 383 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1954) The era of the primitive communal system. *Istoriya Buryat-Mongol'skoi ASSR* = History of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. Ulan-Udeh: Buryat. kn. izd-vo. Vol. 1. P. 9–48. (In Russ.)

Sosnovskii G.P.(1941) Slab graves of Transbaikalia. *Trudy otдела istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ehrmitazha* = Proceedings of the Department of the History of the Primitive Culture of the State Hermitage. Vol. 1. P. 273–309. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (1999) Slab graves and kherexurs of Southern Buryatia in the light of the study of some problems of the Bronze Age of Central Asia. *Paleoehkologiya cheloveka Baikalskoi Azii* = Human paleoecology of Baikal Asia. Ulan-Udeh: BNTs SO RAN. P. 65–76. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2000) Deer stones of the Mongol-Transbaikal type as sources for studying the relationship between the ancient cattle breeders of Central Asia of the Late Bronze Age and Early Iron Age. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. T. I. Arkheologiya. Ehtnologiya* = Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Materials of the international scientific conference. Vol. I. Archeology. Ethnology. Ulan-Udeh: BNTs SO RAN. P. 98–102. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2013) Stages of relations between the population of the culture of slab graves and the culture of kherexurs in Central Asia in the “era of the great migration of peoples” of the Bronze Age. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chita, 13–19 sentyabrya 2013 g.* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Materials of the IV International Scientific Conference Chita: Ehkspress-izdatel'stvO. P. 360–373. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2017) The diplomacy of the ancient nomads of Central Asia of the Late Bronze Age (Part I. On the formulation of the problem, the characteristic of the source base based on the materials of the culture of slab graves and the culture of kherexurs). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chan'chun', 11–15 sentyabrya 2017 g.* = Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Materials of the VIII International Scientific

Цыбиктаров А.Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. – Улаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэр, 2012. С. 283–292.

Цыбиктаров А.Д. Скотоводческое хозяйство носителей культуры плиточных могил Центральной Азии // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 173–189.

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цээндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар: Изд-во АН Монголии, 2008. 239 с.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 247–254.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн үе. Улаанбаатар, 1975. 200 с.

Критерии авторства

Цыбиктаров А.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Цыбиктаров Александр Дондопович,
доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории,
Бурятский государственный университет,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4, Россия,
✉ e-mail: a.d.tsybiktarov@gmail.com

Conference. Changchun, September 11–15, 2017. Chan'chun'. P. 348–360. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2012) Ancient Migrations in Central Asia in the Bronze and Early Iron Age: Causes and Consequences // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. – Ulaanbaatar, National University of Mongolia. P. 283–292. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2008) Cattle breeding farm of slab graves of Central Asia. *Multidisciplinarnye aspekty izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii* = Multidisciplinary aspects of the study of ancient and medieval history. Novosibirsk: IAEHT SO RAN. P. 173–189. (In Russ.)

Tshevhehndorzh D., Bayar D., Tshehndagva Ya., Ochirkhuyag Ts. (2008) Archeology of Mongolia. Ulaanbaatar: AN Mongolii. 239 p. (In Russ.)

Chlenova N.L. (1992) Slab Grave Culture. Steppe zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of USSR. Moscow: Nauka. P. 247–254. (In Russ.)

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн үе. Улаанбаатар, 1975. 200 с. (In Mongol)

Attribution criteria

A.D. Tsybiktarov performed research, on the basis of the obtained results made the generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Alexander D. Tsybiktarov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of the World and Russian history,
Buryat State University,
4, Ranzhurova street, Ulan-Ude 670000, Russia
✉ e-mail: a.d.tsybiktarov@gmail.com